

Сюэ Хуай толкнул дверь и вошел, и первое, что он увидел, был Юнь Цо в углу.

Он сразу же решил, что вернется и поджарит Цинняо.

Положение Юнь Цо было неприметным, но он сам по себе был очень привлекательным. Он от природы обладал немного злой и холодной враждебностью, и красная печать Будды между его бровями не только не уменьшила ее, но, наоборот, добавила ему немного злобы в этом зле. Когда он смотрел своими черными глазами, тихими, как глубокий пруд, сердце человека тяжело подпрыгивало.

За этот короткий взгляд Сюэ Хуай внезапно заметил странную вещь - волосы Юнь Цо в этой жизни были серебряными. Юнь Цо, которого он видел перед тем, как его душа рассеялась в прошлой жизни, также имел серебристо-белые волосы.

Ранее он видел это, но у него не было времени, чтобы внимательно об этом подумать.

В мире бессмертных встречаются всевозможные яркие цвета волос, но он помнил, что волосы Юнь Цо были черными до самых дней его смерти. Серебряные волосы и красные глаза - это черта расы демонов. Неизвестно, внезапно ли возродилась половина родословной демонов Юнь Цо, и она постепенно проявляется с улучшением его техник.

Если это так, то эта жизнь наступила немного раньше, чем в прошлой жизни. Значит ли это, что в этой жизни все немного иначе?

Если это действительно так, то он должен действовать еще более осторожно в будущем.

Сюэ Хуай быстро отвел взгляд от Юнь Цо и сделал вид, что не видел его. Юнь Цо тоже не смотрел на него, а просто опустил голову и играл с неприметным магическим артефактом в своей руке, который, вероятно, был тем, что они перехватили у семьи Сюэ.

Чжу Син встал и вежливо обратился к нему:

— Молодой господин Сюэ.

Сюэ Хуай махнул рукой.

— Не будем тратить слова попусту, молодой господин Чжу. Я сегодня пришел за вещами моей семьи Сюэ. Мой отец поступает честно и открыто, и я, Сюэ Хуай, тоже не думаю, что кому-то что-то должен. Интересно, почему я навлек на себя внимание молодого господина Чжу?

Взгляд Чжу Сина остановился на его лице. Встретившись с его яркими глазами, его высокомерие незаметно уменьшилось на несколько частей.

— ...Я на год старше тебя, молодой господин Сюэ.

Сюэ Хуай подумал про себя, что он всего лишь сопляк, но на лице он все еще послушно изменил свои слова и сказал:

— Брат Чжу.

Чжу Син слегка кивнул.

— Только что ты сказал, что не будем говорить ерунду, мне тоже нравится этот стиль. Украл, значит украл. Деньги в три раза верну семье Сюэ. Мне нравится эта вещь. Если мы не сможем договориться, то каждый будет полагаться на свои способности. Что думаешь?

Он вытащил длинный меч в руке и бросил его, меч вонзился в землю и издал звенящий звук. Окружающие закричали и захлопали в ладоши.

Сюэ Хуай наклонил голову, невинно моргнул и показал всем свои пустые рукава.

— Но я ничего не взял с собой. Драться голыми руками не очень хорошо. Лучше поискать более мягкий способ решения проблемы. Что думаешь?

Перед тем, как прийти сюда, он долго бродил по оружейной комнате, но в итоге ничего не принес. И хорошо, что не взял, у этого Цинняо действительно изо рта вылетает поезд*, нельзя верить ни одному его слову.

*"Изо рта вылетает поезд" - говорить глупости; нести чушь.

Он моргнул ресницами и слегка улыбнулся. В обычное время он выглядел холодным и отстраненным, но как только его взгляд сосредотачивался и появлялось выражение, от него было почти невозможно отвести глаз.

Все на мгновение снова застыли.

Этот молодой господин из семьи Сюэ, кажется... не такой высокомерный, как говорят слухи?

Наоборот, он очень разговорчив, а его манеры очень вежливы и спокойны.

От этой улыбки у Чжу Сина, который и так испытывал к нему некоторую симпатию, даже покраснели уши, но он все еще изо всех сил старался сохранить лицо и холодно усмехнулся:

— Я думал, что семья Сюэ всю жизнь занималась торговлей оружием в мире бессмертных, и

молодой господин Сюэ, должно быть, храбрый мужчина, но не ожидал, что он окажется женоподобным трусом, который даже боится драться.

— Не суди о герое по его внешности, только невежда будет портить изысканные дела.

Сюэ Хуай указал на трубку для указов летающих цветов* на винном столике. Прежде чем он успел что-то сказать, Юнь Цо слегка кашлянул, прервав его.

*Трубка для указов летающих цветов - предмет, используемый в традиционной китайской винной игре, в которой участники должны произносить стихи с определенными словами или темами, связанными с "летающими цветами".

Юнь Цо сидел в углу, сменив позу, и посмотрел в его сторону.

— Тогда давайте сыграем в винные стихи. Если ты будешь драться в одиночку, будет казаться, что мы тебя обижаем. Я буду с тобой. Независимо от того, кто из нас двоих упадет первым, этот магический артефакт достанется тому. Проигравший заплатит деньги, равные стоимости артефакта. Ни у кого нет возражений, верно?

Сюэ Хуай в мгновение ока был назначен в один лагерь с Юнь Цо.

— ???

У всех не было возражений, и Чжу Син попросил кого-то прийти, и атмосфера постепенно накалилась, юноши потерли кулаки и ладони*.

*"Тереть кулаки и ладони" - готовиться к действию, гореть желанием что-либо сделать, настраиваться на победу.

Сюэ Хуай закричал:

— У меня есть возражения.

Юнь Цо повернулся и посмотрел на него, его взгляд был немного холодным.

— Что, боишься, что из-за меня проиграешь?

— ...

Юнь Цо снова спросил его:

— Ты пристрастился к алкоголю?

— ...

Этот Юнь Цо действительно злопамятный.

На самом деле, Сюэ Хуай не очень хорошо переносит алкоголь, но он осмеливается пить по двум причинам:

Во-первых, между тем, когда он пьян и когда не пьян, на самом деле нет большой разницы.

Чем больше он пьян, тем яснее его взгляд. В конце концов, он становится очень энергичным, как пациент с лихорадкой. Его глаза сияют до пугающей степени. Хотя последствия обычно заключаются в том, что он лежит дома с похмелья один-два дня, он никогда не падал за столом.

Во-вторых, он заметил, как только вошел, что аура этой группы юношей слаба. Очевидно, никто из них не проходил систематической практики, и никто из них даже не достиг стадии формирования ядра. Хотя он не мог видеть только Юнь Цо, потому что его корни были смешаны между демоном и богом, в остальном все должны были быть задавлены насмерть его серебряной стадией ядра.

Эти сорванцы обычно не усердствуют в учебе, не осмеливаются выполнять элегантные приказы, и, опасаясь того, что Юнь Цо часто обманывает, играя в пальчиковую игру, они даже колеблются с общими приказами. В конце концов, они обсудили результат - позволить слуге заменить девушку, играющую на цитре, и играть музыку наугад. Как при игре в "музыкальный стул", каждая строка меняет звук ноты чжэн, и человек, получивший летающий цветок*, должен выпить бокал вина, полагаясь исключительно на удачу.

*"Летающий цветок" - символ поэзии в контексте винной игры.

Все были довольно сдержанны. Выпив семь или восемь рюмок, их разум все еще был ясен. Девушка-цитристка сыграла пьесу "Разбивающая строй", а затем сыграла несколько сезонных мелодий. Через час эти люди все еще держались и не упали.

Вино, которое они пили, было не простым фруктовым или рисовым вином из смертного мира, а бессмертным вином долголетия, которое было похоронено под землей на десятки тысяч лет и не могло быть преобразовано с помощью магии. Все присутствующие видели только, что глаза Сюэ Хуая становились все ярче и ярче, а дух - все бодрее и бодрее. Он ничуть не собирался падать, и все чувствовали себя немного некомфортно. Они полностью полагались на дух "нельзя терять лицо перед этим человеком".

Звучала мелодичная музыка цитры, и бокалы звенели друг о друга. Так прошло еще несколько

пъес, но девушка-цитристка не выдержала первой и подошла, чтобы извиниться перед ними тихим голосом:

— Мне очень жаль всех господ, мои навыки действительно ограничены, и у меня есть всего несколько мелодий с измененными нотами чжэн.

Прежде чем все успели отреагировать, Сюэ Хуай элегантно и уверенно кивнул, нежно сказав:

— Ты можешь уйти. Оставь цитру, позволь мне сыграть.

Сказав это, он встал со своего места, попутно похлопал Юнь Цо по плечу рядом с собой и наклонился к его уху.

— Раз уж ты со мной в одной команде, прикрой меня на время, хорошо?

От его уха исходил сладкий аромат вина, сопровождаемый теплотой дыхания.

Шаги Сюэ Хуая были твердыми, а глаза - яркими, но Юнь Цо знал, что он уже пьян-

Когда он говорил с ним, его рука была такой слабой, что ей негде было опереться. Он легко коснулся его воротника, и прохладные кончики его пальцев коснулись его кожи, как будто принося с собой аромат цветов.

Он сказал:

— Хорошо.

Через мгновение Сюэ Хуай убрал руку, сел и занял место девушки-цитристки, непринужденно извлек несколько мелодий, а затем, указав на Юнь Цо, отдал приказ остальным:

— Заливайте, заливайте его до смерти. Зальете его - значит, зальете меня.

Он отлично переложил ответственность, все уже выпили достаточно, чтобы потерять сознание, и, шатаясь, пошли заливать Юнь Цо. Иногда им казалось, что один из звуков является измененным звуком, и, независимо от того, так это или нет, они шли и выпивали с Юнь Цо.

Юнь Цо спокойно выпивал рюмку за рюмкой, без колебаний, как будто он и не был пьян. Только в свободное время он смотрел в другую сторону из-за тени чашки, смотрел на Сюэ Хуая.

Когда он играл на цитре, он тоже был очень красив, только мелодии были немного не в

порядке. Все выпили достаточно, чтобы обстановка уже не была такой напряженной, как раньше, и некоторые, которые были немного более трезвыми, захихикали, услышав этот оглушающий дьявольский звук.

— Молодой господин Сюэ, что это вы играете?

Сюэ Хуай был спокоен и невозмутим.

— Через некоторое время вы узнаете его прелести.

Через палочку благовоний.

Если бы владелец и официант поднялись, чтобы принести еду, они бы, несомненно, испугались увиденной сцены - на полу и столе вкривь и вкось лежали шесть или семь юношей, все непристойно лежали на земле, как будто развалились кучей, как если бы разложили лепешки*.

*"Развалиться кучей, как если бы разложили лепешки" - лежать в беспорядке, распластавшись; разбросаться, не имея сил стоять.

Сюэ Хуай тихонько рассмеялся.

Сражаться с ним - они еще слишком молоды.

Совершенствование серебряного ядра, интеграция духовной силы в музыку цитры, даже не нужно добавлять никакой магии очарования, и он может сбить с ног этих лентяев, которые плохо занимаются. Он тоже правильно оценил, что этих юношей он не помнил в своей предыдущей жизни. Вероятно, они не следовали за Юнь Цо до конца.

Другими словами, их боевая мощь даже хуже, чем у жадного призрака в его комнате.

Сюэ Хуай медленно и методично перенастроил цитру, выпил немного чая, съел несколько ломтиков дыни и фруктов, а затем волшебным образом достал большую связку веревок.

Эти гордые и властные юноши были связаны веревками и привязаны к столбам в комнате один за другим. Чжу Сина ждал особый сюрприз - Сюэ Хуай привязал его к стропилам крыши. Он хорошо контролировал длину веревки, чтобы он, проснувшись и перевернувшись, столкнулся с жалким и захватывающим падением, но не упал на землю.

Когда настала очередь Юнь Цо, Сюэ Хуай заколебался.

В этой винной игре они были в одной команде, но он не так много думал, когда играл на цитре.

Связывать или не связывать?

Чтобы выразить равное отношение ко всем этим щенкам, Сюэ Хуай в конце концов решил связать и его.

Чтобы выразить дополнительную каплю уважения к бывшему боссу в этом равном отношении, он выделил ему отдельный столб.

Закончив все это, он еще не закончил и достал тысячулетнюю тушь для граффити. Он нарисовал черепаху на лице этого человека, а на лице другого - краба, гарантируя, что узоры на их лицах будут более захватывающими, чем их выражения после пробуждения.

В конце концов, он все еще не осмеливался выщипывать волосы на голове тигра* - пьяный Сюэ Хуай сохранил свое последнее желание выжить и удержался от рисования свиньи на лице Юнь Цо.

*“Выщипывать волосы на голове тигра” - совершать рискованный поступок; испытывать судьбу; провоцировать сильного противника.

В прошлом кто-то кормил глупого кота Юнь Цо грязными вещами, и Юнь Цо живо расчленил его на части. Кто-то приклеивал слова и картины на спину Юнь Цо, и они были превращены в бумажных призраков и сожжены в свитках... Такого рода вещей было бесчисленное множество, и у Сюэ Хуая не хватило смелости бросить вызов его границе.

Он опустился на одно колено и нашел этот магический артефакт в рукаве Юнь Цо. После того, как он превратился в нормальный размер, он посмотрел на него и обнаружил, что это оружие, которое больше похоже на палку, но не палку, и больше похоже на нож, но не нож, и выглядит немного похоже на огнестрельное оружие из смертного мира.

Это не антиквариат, а что-то новое.

Он посмотрел на него еще раз, желая найти имя производителя. После долгих поисков он нашел только узор, который не мог понять.

Сверху донесся низкий и слегка усталый голос:

— Это первое божественное оружие, выплавленное наследным принцем дворца Фули. Этот узор - оттиск его печати, иероглиф “И” клана Феникса. Бай И, следующий император Фули, ты его видел?

Рука Сюэ Хуая дрогнула.

Он посмотрел вверх и увидел, что Юнь Цо, которого он связал, неизвестно когда открыл глаза и спокойно смотрит на него.

Все остальные все еще были в отключке, и на их лицах были шедевры, нарисованные его широким мазком. Сюэ Хуай стоял на одном колене перед Юнь Цо и долгое время не мог произнести ни слова, глядя на него во все глаза.

Юнь Цо пошевелился.

Сюэ Хуай подсознательно отступил немного назад, но увидел, что Юнь Цо не сопротивляется, а просто повернул голову и посмотрел на него. Серебряноволосый юноша в черной одежде изо всех сил пытался вытянуть палец из-под веревки и указал на свое лицо, показывая ему.

— Почему у меня нет? Ты не собираешься ничего нарисовать мне на лице?

— ?

Юнь Цо изо всех сил старался и сказал:

— Сюэ Хуай, не нужно выпускать воду*. Хотя мы с тобой в одной команде на этот раз, если ты просто пощадишь меня, это заставит их и дальше смотреть на тебя свысока, говоря, что ты даже не смеешь тронуть меня, и что ты слабая тряпка. Поэтому ты должен тоже что-нибудь нарисовать на моем лице.

*“Выпускать воду” - поддаваться; давать слабинку.

Сюэ Хуай был пьян и ошеломлен его словами, и в его ясном взгляде появилась доля растерянности. Каким-то таинственным образом он вдруг почувствовал, что Юнь Цо прав, поэтому наклонился и нарисовал на его лице глупую маленькую свинью.

Тысячелетняя тушь была немного прохладной и несла с собой холод. Прикоснувшись к коже, она быстро распространилась. Юнь Цо закрыл глаза и открыл их только после того, как он закончил рисовать, вернувшись к своему обычному холодному и немногословному виду.

— Ты можешь уходить.

Сказав это, он отвел взгляд, посмотрел на своих поверженных товарищей, а затем начал притворяться спящим.

— ...Ты правда в порядке?

Я боюсь, что этот человек не дурак.

<http://bllate.org/book/14664/1302040>